

скими противниками лучше всего показывает нам, насколько хорошо была известна история Византийской империи, раз даже небольшой намек на исторические личности воспринимался как тяжкое оскорбление. Показательны в этом отношении также обвинения, которые Иван Грозный возводил на князя Андрея Курбского, которого он сравнивал с императором-иконоборцем VIII и IX вв.: «бывшему прежде прославному истинному христианству и нашего самодержавия боярину и советнику и воеводе, ныне же крестопреступнику честного и животворящего креста господня, и губителю хрестыанскому и ко врагом хрестыанским слугатою, отступльшим божественнаго иконнаго поклонения и поправшим вся божественная священнаго повеления, и святыя храмы разорившим, осквернившим и поправшим священныя сосуды и образы, яко же Исавр, и Гноетезный, Арменин, сим всем соединителю — князю Андрею Михайловичу Курбскому...»²⁸ Сравнения с иконоборцами встречаются и в других посланиях Ивана Грозного. Так, в послании в Кирилло-Белозерский монастырь от 1573 г. Иван Грозный пишет: «А вся та слабость от начала учинилася от Василия от Шереметева подобно иконоборцом в Цариграде, царем Льву Исавру и сыну его Константину Гноетезному. Понеже Лев точию семена злочестия посея, Константин же всего царствующаго града во всяком благочестии помрачи...»²⁹ В послании к Полубенскому читаем: «Ино тричисленного божества и пречистыя богородицы милость и всех святых его молитвы и иконного поклоняния крепость вас иконоборцов посрами, а нашу древнюю отчину к нам возврати, а ваша надежда — Крон и Зевс и инии... ни во что же бысть».³⁰ О том, насколько известны были эти имена из истории Византии VIII и IX вв. Ивану Грозному и тем, с кем он переписывался, можно судить по тому обстоятельству, что он считал вполне достаточным, обвиняя своих противников, только намекать на имена: вместо того чтобы точно назвать имя первого императора иконоборца Льва III Исавра (717—741), он попросту именуется его в послании к Курбскому Исавром; вместо имени Константина V Копронима (741—775) он употребляет прозвище «Гноетезный», а императора Льва V (813—820) называет Арменином. История Византии использовалась так живо и непосредственно именно потому, что была известна и близка.

Послания содержат также некоторые реминисценции и из истории Византии IX в. Эти упоминания подтверждают, насколько хорошо были известны даже по существу незначительные исторические подробности. Так, в послании в Кирилло-Белозерский монастырь говорится: «А Игнатия блаженнаго патриарха Цариграда, царева же сына бывша, его же в заточении замучи Варда Кесарь, обличения ради, подобно Крестителю, понеже бо той Варда живяше с сыновнею женою...»³¹ Как уже подчеркивалось,³² здесь идет речь о цареградском патриархе Игнатии (847—888), который возглавлял цареградскую церковь дважды, а именно с июня 847 г. по 23 ноября 848 г. и с 23 ноября 867 г. по 23 октября 878 г. Известно, что патриарх Игнатий, светское имя которого Никита, был сыном императора Михаила I Рангаве (811—813) и Прокопии, дочери императора Никифора I (802—811). В праздник Богоявления 858 г. патриарх Игнатий отказал в причастии кесарю Варда по той причине, что тот будто бы имел любовную связь со своей снохой. Вследствие вспыхнувшего конфликта

²⁸ Послания, стр. 10, 72, 125 и сл.; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 583, 637.

²⁹ Послания, стр. 176.

³⁰ Послания, стр. 203. Намеки на древнегреческое языческое божество Кронос см там же, стр. 61, 123, 210; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 610.

³¹ Послания, стр. 174, 175.

³² Ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 636.